

МИХАИЛ ШЕРБАКОВ

Книга первая:
Морриган

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Щербаков

Книга первая: Морриган

«Автор»

2026

Щербаков М.

Книга первая: Морриган / М. Щербаков — «Автор», 2026

Детектив Эвелина Грей сталкивается с загадочным убийством, которое провоцирует цепочку событий приводящих к давно забытому прошлому.

© Щербаков М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Лесная находка.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Михаил Щербаков

Книга первая: Морриган

Глава 1: Лесная находка.

1.

6:17 утра.

Дождь лил всю ночь, превратив тропу к старому кладбищу в грязное месиво. Но там, в глубине лесополосы, всё было иначе. Патрульные офицеры Марксон и Рейс припарковали машину у обочины и двинулись вглубь леса по протоптанной дорожке. Атмосфера стояла максимально гнетущая, но как могло быть на кладбище?

— Кто вообще звонит в такую рань? — проворчал Марксон, поправляя промокший воротник куртки. — Да ещё и в эту глушь...

Рейс молча кивнул, вглядываясь в сумрак между деревьями. Будто ему не надоело вечное нытье его напарника. Он давно с ним работал, но так и не мог привыкнуть к порой резким выражениям мысли. Внезапно он замер.

— Стой. Смотри туда. Что это?

Марксон прищурился.

— Твою мать... Это человек?

Они подошли ближе.

Тело лежало на аккуратно расстеленной клеёнке посреди мокрой листвы. Вокруг — ни следа грязи, хотя накануне шёл ливень, и на подъездной к кладбищу было чудовищное месиво из земли и листьев.

Рейс достал рацию.

— Диспетчер, это патруль 7. У нас... похоже, 10-54¹. Повторяю, труп. Срочно вызов детектива и судмедэксперта. И пусть криминалисты возьмут с собой всё — тут что-то не так.

Диспетчер отозвался почти мгновенно, голос в рации звучал спокойно, будто такие вызовы были для него рутиной:

— Принял, патруль 7. Подтверждаю 1054. Детектив и судмедэксперт уже в пути, ориентировочное время прибытия — двадцать минут. Криминалистов предупрежу, чтобы взяли расширенный комплект. Есть ли признаки насильственной смерти?

Рейс присел на корточки, стараясь не нарушить возможные следы, и осторожно наклонился, чтобы лучше рассмотреть тело. Дождь почти стих, оставив после себя мелкую морось, оседавшую на плечах и капавшую с веток.

— Визуально — нет явных ран, крови не видно, — ответил он, стараясь говорить чётко и без лишних эмоций. — Но положение тела неестественное. И эта клеёнка. Слишком чисто вокруг. Как будто место специально подготовили.

Марксон, который всё это время нервно оглядывался по сторонам, будто ожидая, что из темноты вот-вот кто-то выскочит, хрипло добавил:

— И тропа тут одна, а следов вокруг — ноль. Хотя после такого ливня тут должно было всё размыть. Либо он пришёл сам, либо его принесли. И сделали это до дождя или во время, но так, что ни один след не остался.

¹ 10-54 Код полиции обозначающий возможный труп.

Диспетчер на секунду замолчал, фиксируя информацию, а потом снова заговорил:— Информация зафиксирована. Держите периметр, не трогайте ничего. Подкрепление будет через двадцать минут. И парни, будьте там осторожны.

Рейес убрал рацию и выпрямился, глядя в полумрак леса. Капли воды стекали по лицу, но он этого почти не замечал.

— Знаешь, Марксон, — тихо произнёс он, не сводя глаз с тела, — мне это совсем не нравится. Тут не просто труп. Тут чья-то очень аккуратная работа.

2.

Марксон поёжился, будто холод пробрался не только под промокшую куртку, но и под кожу. Он наклонился, стараясь не наступать в лужи, и тихо пробормотал:

— Эта клеёнка она не обычная. Смотри, края ровно подвёрнуты, будто кто-то специально старался, чтобы ни капли воды не попало на тело.

Рейес прищурился, глядя в деталь, которую напарник подметил. И правда: клеёнка была не из тех, что валяются в каждом гараже. Плотная, тёмно-синяя, с едва заметным узором по кромке — будто из дорогого набора для пикника, а не из хозяйственного магазина.

— И посмотри на руки, — добавил Рейес, не сводя глаз с тела. — Пальцы чуть согнуты, как будто он что-то сжимал перед смертью. Или его пальцы так сложили уже потом.

Марксон хотел было шагнуть ближе, но Рейес резко выставил руку:

— Стой. Не надо. Мы и так уже слишком много наследили просто тем, что подошли.

В этот момент из-за деревьев вырвался свет мощных фар, и по размытой дороге медленно, с хрустом гравия, подкатил фургон криминалистов. Детектив Эвелина Грей подъехала через двадцать минут. Она невысокая, худая, с лицом человека, который давно перестал удивляться самым странным вещам, застёгивая плащ, и сразу поморщилась от странного запаха — лаванда, смешанная с чем-то химическим. Она натянула перчатки ещё до того, как полностью вышла из машины, и сразу направилась к офицерам.

— Что у нас? — голос у неё был спокойный, почти будничным, но в нём чувствовалась сталь.

Рейес коротко обрисовал ситуацию: звонок в рань, тропа, отсутствие следов, странная аккуратность вокруг тела. Эвелина слушала, не перебивая, только время от времени кивала. Когда Рейес закончил, детектив подошла к телу, присела на корточки — ровно так, как до этого делал Рейес, но двигалась она иначе: плавно, расчётливо, будто каждое движение было отрепетировано. Она не касалась ничего, только смотрела. Долго, пристально. Потом вдруг наклонилась чуть ближе и тихо произнесла:

— Смотрите сюда.

Офицеры переглянулись и шагнули вперёд, стараясь держаться на безопасном расстоянии. Грей указала на шею покойного — там, почти скрытая воротником рубашки, виднелась тонкая линия. Не разрез, не царапина, а будто след от туго затянутой ленты. Или от чего-то похожего на проволоку.

— Это не естественная смерть, — тихо сказала Грей, выпрямляясь. — И не случайность. Кто-то очень старался, чтобы всё выглядело чисто. Слишком чисто.

Словно в подтверждение её слов, из-за спины раздался голос криминалиста:

— Ещё кое-что. Мы только что прошли по тропе. Там, где она поворачивает, есть участок, где земля сухая. Совсем сухая, хотя вокруг всё залито. Как будто там что-то стояло. Или кто-то стоял и не давал воде впитаться.

Марксон почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— То есть убийца был здесь во время дождя, — прошептал он. — И стоял там, где не промокал.

— Или он знал, где будет сухо, — поправил его Рейес, глядя не на тело, а в темноту леса.
— Или он здесь всё заранее подготовил.

Грей медленно огляделась, будто пытаясь прочесть лес, как открытую книгу.

— Нам нужно понять, кто он такой, — произнесла детектив, глядя на офицеров. — И почему выбрал именно это место. Старое кладбище, лесополоса слишком символично для случайности.

И тут Рейес заметил ещё одну деталь — маленькую, почти незаметную. У самого края клеёнки, там, где она чуть загибалась, белел крошечный клочок бумаги. Он был сложен вчетверо, будто записка, и лежал так аккуратно, что мог бы показаться мусором если бы не был положен именно туда. Рейес замер, не решаясь даже дышать.

— Детектив, — тихо позвал он, указывая на находку. — Посмотрите.

Грей наклонилась, прищурился. Потом медленно, не касаясь, достала из кармана прозрачный пакет и с помощью ручки подцепила клочок бумаги, чтобы положить внутрь. Развернув пакет, она взглядела в надпись — всего несколько слов, выведенные чётким, почти каллиграфическим почерком:

«Он заплатил за тишину».

На мгновение в лесу повисла тишина — такая плотная, что казалось, даже капли перестали падать с веток.

— Это не просто убийство, — тихо произнесла Грей убирая пакет в сумку. — Это послание.

«Лаванда и химия, — подумала она. — Кто-то бальзамировал тело прямо здесь? Или... оно уже было таким, когда его принесли?» Жертва — мужчина лет сорока-сорока пяти. Одежда дорогая, но порвана в нескольких местах, будто её специально рвали. Глаза защиты толстыми чёрными нитками крест-накрест. На груди — выгравирован символ ворона: глубокие ровные линии, будто сделано скальпелем. Руки сложены на животе. Кожа бледная, но не разложившаяся, будто мумифицирована. В нагрудном кармане — старинный медальон с инициалами «L.M.».

— Что нашли? — спросила Эвелина, подходя к Марксону.

— Ничего, — пожал плечами офицер. — Ни следов, ни отпечатков. Даже грязи нет вокруг — будто его сюда телепортировали.

Эвелина осторожно достала медальон. Он был холодным на ощупь. Она открыла его — внутри крошечный портрет женщины в викторианском платье. На обратной стороне выгравировано: «Для тех, кто видит».

«Кто ты, L.M.? И почему ты оставил это здесь?» — пронеслось в голове у Эвелины. Судмедэксперт доктор Финч пожилой мужчина в очках и с вечной ухмылкой на лице обошёл тело по кругу, цокая языком.

— Ну, детектив, вам опять повезло. У нас тут не просто труп — произведение искусства.

— Поясните, — насторожилась Эвелина.

— Смотрите: глаза защиты после смерти, но аккуратно, хирургическими стежками, — доктор осторожно приподнял один из швов. — Кожа... она не разлагается. Кто-то обработал тело составом на основе формальдегида и лавандового масла. Очень редкий рецепт, между прочим.

— Зачем?

— Чтобы сохранить. Но не для красоты — для чего-то другого. И ещё... смотрите на разрез на груди. Он осторожно оттянул ткань. Под ней — не просто гравировка, а настоящий шрам. Будто символ ворона вырезали на ещё живом человеке.

— Это сделали при жизни, — продолжил Финч. — Он был в сознании. И, судя по мышечным спазмам, испытывал адскую боль.

Эвелина взглядела в лицо жертвы. Что-то в его чертах казалось знакомым.

— Он знал своего убийцу, — произнесла она вслух.

— О, да, — кивнул доктор. — И убийца знал его очень хорошо.

Эвелина заметила, что пальцы жертвы слегка подрагивают. Будто мышцы сокращаются в остаточных импульсах.

— Не волнуйтесь, он мёртв уже часов двенадцать, — успокоил её Финч, заметив взгляд. — Это просто нервные окончания. Но... странно, что они ещё активны.

В этот момент телефон Эвелины вибрировал — пришло сообщение от неизвестного номера:

«Вы уже видели этот знак во сне, не так ли, детектив Грей?»

Она резко обернулась, всматриваясь в лес. Никого. Только ворон каркнул где-то вдалеке, и эхо повторило его крик.

Тёмная комната. Шкаф с скрипучими дверцами. Эвелина зажимает уши руками, но всё равно слышит:

— Ты ни на что не годна, как и твоя мать! — голос отца громом отдаётся в ушах.

— Прости, милый, я больше не буду... — шепчет мать.

Звук удара. Эвелина дрожит, вцепившись в свои колени. В щели шкафа виден край отцовского ботинка и лужа пролитого чая на полу.

Она моргнула, возвращаясь в реальность. Запах лаванды и формальдегида вдруг показался ей знакомым — так пахло в тот день в доме, когда отец разбил вазу с сухими цветами. «Почему сейчас? Почему именно этот запах?» — подумала Эвелина, глядя на тело жертвы. Зашитые глаза. Символ ворона. Медальон с инициалами. Что-то в этой сцене цепляет её на уровне инстинкта — будто она уже видела это. Или должна была увидеть. Эвелина убрала телефон. Она знала, что это только начало. И что убийца наблюдает за ней. «Он хотел, чтобы я это увидела. И он хочет, чтобы я поняла», — подумала она, глядя на зашитые глаза жертвы. Дождь усилился, капли застучали по клеёнке, на которой лежало тело. Ворон снова каркнул, и его крик потонул в шуме непогоды. Эвелина застегнула плащ потуже и достала блокнот. Пора было начинать расследование. Эвелина щёлкнула застёжкой блокнота, но не спешила ничего записывать. Вместо этого она снова посмотрела на медальон, который теперь лежал в прозрачном уликовом пакете. «Для тех, кто видит» Фраза будто царапала изнутри, как забытое воспоминание.

— Грей, ты в порядке? — тихо спросил Рейес, заметив, как она застыла, вцепившись в пакет.

— Да, — коротко ответила Эвелина, хотя голос прозвучал чуть хрипло. Она быстро взяла себя в руки и повернулась к криминалистам.

— Что ещё у нас есть? Нужно всё, до последней пылинки.

Криминалист, молодой парень по имени Кайл, кивнул, не отрываясь от работы с ультрафиолетовым фонарём. Он водил лучом по земле вокруг тела, и вдруг в нескольких метрах от клеёнки на влажной листве вспыхнули едва заметные голубоватые следы.

— Вот это интересно, — пробормотал он, наклоняясь. — Похоже на остатки какого-то порошка. Не обычная грязь, не песок. И он рассыпан узкой дорожкой почти как след.

Рейес нахмурился:

— След? Но мы же говорили, что никаких следов нет.

— Не от обуви, — пояснил Кайл. — Это будто что-то волокли. Или рассыпали специально.

Эвелина подошла ближе, стараясь не наступать на зону поиска. В ультрафиолете порошок мерцал, будто крошечные звёзды на мокрой земле, и исчезал там, где лес становился гуще.

— Как будто кто-то рассыпал это, чтобы оставить нам подсказку, — тихо произнесла она. — Или чтобы мы шли именно этим путём.

Марксон нервно потёр шею:

— Или чтобы заманить нас куда-то.

В этот момент к ним подошёл доктор Финч, держа в руках небольшой пластиковый контейнер.

— Ещё кое-что, детектив. Я нашёл это в складках одежды, почти у самого ворота. — Он протянул контейнер, внутри которого лежал крошечный металлический предмет, похожий на фрагмент булавки или застёжки. На одной стороне виднелась выцветшая гравировка — едва различимые буквы и крошечный символ, напоминающий крыло. Эвелина прищурилась:

— Это от чего-то? Значок? Часть украшения?

— Похоже на деталь от броши или значка, — кивнул Финч. — Металл старый, окисленный. Не из современных сплавов.

Она взяла контейнер, чувствуя, как холод металла пробивается сквозь перчатки. В голове снова мелькнуло: «Для тех, кто видит». И ворон, который каркнул, будто подсказывая. Телефон в кармане снова тихо вибрировал. Эвелина на секунду замерла, прежде чем достать его. На экране снова высветилось сообщение от того же неизвестного номера:

«Тишина стоит дорого. Но ты уже знаешь цену, не так ли?»

На этот раз она не обернулась в темноту. Вместо этого подняла голову и посмотрела прямо в камеру, которую только сейчас заметила — маленькую, почти незаметную, спрятанную среди ветвей старого дуба. Объектив был направлен точно туда, где лежало тело. И, возможно, туда, где стояла она.

— Нас снимают, — спокойно сказала Эвелина, указывая на камеру. — И он хочет, чтобы мы это знали.

Рейес побледнел:

— То есть он всё это время наблюдал?

— И не просто наблюдал, — добавила Эвелина. — Он режиссировал. Каждая деталь здесь — реплика в диалоге. Клеёнка, порошок, камера, записка Он говорит с нами. И у меня такое чувство, что говорит он лично со мной.

Марксон сглотнул:

— Ты что-то знаешь?

— Пока только чувствую, — призналась она, убирая телефон. — Но этого достаточно, чтобы понять: это не случайная жертва. И не случайное место. Кто-то очень хорошо знает и жертву, и меня. Она повернулась к команде: — Кайл, снимите всё, что нашли. Особое внимание — порошку и этой детали. Пусть лаборатория определит состав. Финч, тело — приоритетно. Мне нужно знать всё: от времени смерти до того, чем его обрабатывали и что он ел перед смертью. И найдите источник этого запаха — лаванда и химия. Возможно, это ключ. Пока команда кивала и расходилась по своим задачам, Эвелина ещё раз посмотрела на камеру. Линза отражала тусклый свет фонаря, будто подмигивала. «Ты хотел, чтобы я увидела, — подумала она. — Теперь я вижу. И я найду тебя». Дождь наконец стих, оставив после себя тишину, которая теперь казалась громче любого крика.

Эвелина стояла под морозящим дождём, сжимая в перчатках уликовый пакет с медальоном, и вдруг почувствовала, как холод пробивается не снаружи — а изнутри, из памяти.

Тот же запах. Лаванда и химия. Он не просто был ей знаком — он её преследовал.

3.

Квартира пахла ванилью и стиральным порошком — так всегда пахло дома, когда мама стирала занавески по субботам. Но в тот день к привычным запахам примешалось что-то чужое: резкий, сладковатый оттенок, будто кто-то разлил духи с лавандой прямо на ковёр. Эвелина тогда была подростком, слишком занятым ссорами с родителями и мечтами сбегать из этого города, чтобы сразу обратить внимание.

А потом пропала Лина. Её младшая сестра.

Лина всегда носила с собой маленький мешочек с сушёной лавандой — говорила, что он её успокаивает. И вот теперь этот запах вдруг стал сигналом тревоги.

В тот вечер Эвелина вернулась из школы позже обычного. Дверь в комнату Лины была приоткрыта, на кровати — разбросанные тетради и недописанный рассказ про ворона, который умел говорить. На тумбочке лежал тот самый мешочек. Пустой.

— Лина! — крикнула Эвелина, пробегая по коридору. — Хватит прятаться!

Тишина. Только тиканье часов на кухне и странный запах, который теперь казался не уютным, а липким, тревожным.

Мама сидела на кухне, теребя край фартука. Отец стоял у окна, будто высматривал что-то на улице, хотя там уже темнело.

— Где Лина? — голос Эвелины дрогнул.

Отец не обернулся: — Не мешай. Мы ждём звонка.

— Какого звонка? Она же должна была быть дома ещё час назад!

Мама подняла на неё глаза, в которых плескался такой страх, что Эвелина вдруг перестала кричать.

— Она ушла в магазин, — тихо сказала мама. — И не вернулась.

Потом были полицейские, вопросы, листовки с фотографией Лины, расклеенные по всему району. Эвелина помнила, как один из детективов, седой мужчина с усталыми глазами, наклонился к ней и тихо спросил:

— Ты не замечала ничего странного? Может, кто-то крутился рядом? Или она о чём-то волновалась?

Эвелина тогда покачала головой, но потом вспомнила: за неделю до исчезновения Лина показала ей странный клочок бумаги. Свёрнутый четверо, как будто записка. На нём было всего два слова: «Не смотри назад».

— Я нашла это в своём рюкзаке, — прошептала Лина, дрожащими пальцами разглаживая бумагу. — Я не помню, как оно туда попало.

Эвелина тогда отмахнулась: — Наверное, кто-то пошутил. Не бери в голову.

Но Лина не поверила. Она смотрела на сестру так, будто искала в её глазах подтверждение, что всё будет хорошо. А Эвелина не смогла его дать.

Расследование зашло в тупик. Никаких следов. Никаких свидетелей. Только этот запах лаванды, который ещё долго витал в квартире, пока мама не выбросила все подушки и не переклеила обои.

И вот теперь, спустя годы, он вернулся.

Эвелина моргнула, возвращаясь в лес. Дождь почти прекратился, но капли всё ещё срывались с веток, падая на клеёнку, на землю, на её плечи. Рейес подошёл ближе, осторожно коснувшись её локтя:

— Грей? Ты побледнела. Что-то вспомнила?

Она медленно кивнула, не сводя глаз с медальона в пакете.

— Лаванда, — прошептала она. — Этот запах я его уже чувствовала. Много лет назад. Когда пропала моя сестра.

Марксон, стоявший чуть в стороне, замер:

— Твоя сестра? Ты никогда об этом не говорила.

— Не было повода, — сухо ответила Эвелина. — До сегодняшнего дня. Она снова посмотрела на записку: «Он заплатил за тишину». И вдруг поняла: это не просто послание. Это эхо. Словно кто-то взял старую боль и использовал её как инструмент. Кайл подошёл, держа в руках ещё один прозрачный пакет. Внутри лежал крошечный обрывок ткани — такой же тёмно-синий, как клеёнка.

— Нашёл на ветке, — сказал он. — Будто зацепился, когда кто-то пробирался через кусты. Ткань плотная, дорогая. И на краю видишь? Едва заметная вышивка. Крошечный силуэт ворона.

Эвелина медленно протянула руку и коснулась пакета. Ворон. Как в рассказе Лины. Как на груди жертвы. «Для тех, кто видит», — снова всплыли слова с медальона. Она подняла голову и посмотрела туда, где среди ветвей пряталась камера.

— Он знал, что я это увижу, — тихо произнесла она. — Он знал, какой эффект это произведёт.

Рейес нахмурился:

— Ты думаешь, это связано с твоей сестрой?

— Я не знаю, — честно призналась Эвелина. — Но я не верю в такие совпадения.

Телефон снова завибрировал. Ещё одно сообщение от неизвестного номера: «Ты так и не нашла её. Но теперь у тебя есть шанс всё исправить». На этот раз Эвелина не стала скрывать экран. Она протянула телефон Рейесу.

— Прочитай.

Он пробежал глазами по тексту, и лицо его стало жёстким.

— Это уже не расследование, — тихо сказал он. — Это личная игра. И он выбрал тебя своей фигурой.

Эвелина глубоко вдохнула, прогоняя дрожь. Запах лаванды больше не пугал её. Теперь он был ориентиром. Следом.

— Пусть играет, — спокойно ответила она, убирая телефон. — А я буду ходить своими ногами. Она повернулась к команде:

— Всё, что нашли, в лабораторию. Особое внимание — составу порошка, ткани с воронком и этой детали от броши. И пусть проверяют все старые дела о пропавших без вести в этом районе за последние двадцать лет. Особенно — дело Лины Грей. Пока криминалисты кивали и возвращались к работе, Эвелина снова посмотрела на камеру. Линза поблескивала в полумраке. «Я вижу тебя, — подумала она. — И я не остановлюсь».

4.

Лаборатория встретила Эвелину гулом приборов, холодным светом ламп и запахом спирта — стерильным, резким, без намёка на лаванду. Здесь не было места эмоциям: только факты, цифры, микроны. Именно это ей сейчас и было нужно.

Она села за стол в углу, где уже лежали папки с предварительными отчётами, и первым делом достала из сумки уликовый пакет с медальоном. «Для тех, кто видит». Слова будто царапали изнутри.

Отчёт криминалиста Кайла (предварительный, по месту происшествия):

Порошок под ультрафиолетом: мелкодисперсный, люминесцирует в голубом спектре. Состав пока не установлен, но есть сходство с составами, используемыми в старых театральных спецэффектах (имитация звёздной пыли). Частицы не прилипают к коже, не растворяются в воде — устойчивы к влаге.

Ткань с воронком: плотная саржа тёмносинего цвета, промышленное плетение, но вышивка ручная. Нить — шёлк с добавлением металлизированной нити. Такой тип вышивки характерен для лимитированных коллекций начала 2000х годов (возможно, театральные костюмы или сценические аксессуары).

Камера на дереве: миниатюрная, с функцией ночной съёмки и передачей данных по WiFi. Модель редкая, снята с производства. Карта памяти отсутствует — данные либо транслировались в реальном времени, либо были удалены дистанционно.

Отчёт доктора Финча (судмедэкспертиза):

Причина смерти: асфиксия. На шее — тонкий, но глубокий след, характерный для удушения из проволоки или струны. Следы сопротивления минимальны — возможно, жертва была обездвигнута заранее (наркотики, парализующие вещества).

Обработка тела: кожа пропитана раствором на основе формальдегида и эфирного масла лаванды. Концентрация формальдегида выше, чем в стандартных бальзамирующих составах, — это не просто сохранение, а намеренная консервация.

Символ ворона на груди: выполнен хирургическим скальпелем. Глубина и ровность линий говорят о высокой квалификации исполнителя — вероятно, медик или человек с серьёзной подготовкой. Шрам свежий, но нанесён при жизни.

Глаза зашиты: швы хирургические, нить — стерильная, профессиональная. Выполнено после смерти.

Остаточная активность нервных окончаний: объясняется составом консерванта — он замедляет разложение тканей и сохраняет электропроводимость на срок до 24–36 часов.

Химический анализ (отдельная справка):

Запах лаванды: в тканях и на одежде обнаружен остаток эфирного масла *Lavandula angustifolia*² с примесью синтетического фиксатора, который редко встречается в парфюмерии, но используется в музейной консервации.

Следы на коже: микрочастицы того же фиксатора найдены в складках одежды и на внутренней стороне воротника.

Эвелина листала страницы, делая пометки на полях. Её взгляд цеплялся за детали, складывая их в единую картину. Она достала телефон и открыла переписку с неизвестным номером. Три сообщения. Все — после обнаружения тела.

«Ты так и не нашла её. Но теперь у тебя есть шанс всё исправить».

Она закрыла глаза на секунду, вспоминая комнату Лины: разбросанные тетради, рассказ про говорящего ворона, пустой мешочек из-под лаванды. И записку: «Не смотри назад».

В дверь постучали. В проёме показался Кайл, держа в руках ещё одну папку.

— Грей, у нас кое-что ещё. По старым делам.

Эвелина выпрямилась.

— Что?

— Я запросил доступ к архивам по пропавшим без вести в этом районе за последние двадцать лет. И знаешь, что странно? Дело Лины Грей его нет в основной базе.

Сердце Эвелины пропустило удар.

— Как это — нет?

— Формально оно есть, — поспешно добавил Кайл. — Но папка пустая. Только титульный лист и карточка учёта. Никаких протоколов, показаний, фото. Будто кто-то вынул всё, оставив обложку.

Эвелина медленно положила ручку на стол.

— Кто имел доступ к этим архивам?

— Узкий круг: старые следователи, архивариусы, IT-отдел и, конечно, руководство. Но самое интересное не это. Я нашёл упоминание о похожей детали в другом деле — о пропавшем театральном художнике в 2003 году. У него в мастерской нашли ткань с вышивкой ворона. И мешочек с лавандой.

Он протянул распечатку: фото с обыска, кусок ткани, похожий на тот, что нашли на ветке. И рядом — вырезку из старой газеты: «Пропавший художник: следы ведут в никуда».

Эвелина всмотрелась в снимок. В углу мастерской виднелся стеллаж с коробками, на одной из которых был наклеен стикер с инициалами: «L.M.».

«L.M., — мелькнуло у неё в голове. — Как на медальоне».

² Лаванда узколистная.

— Кайл, — тихо сказала она, не отрывая глаз от фото. — Найди всё, что есть по этому художнику. И по всем делам, где фигурирует вышивка с вороном или лаванда.

Кайл кивнул и уже собирался уйти, но остановился в дверях.

— Грей ты уверена, что хочешь идти по этому пути? Это не просто дело. Тут кто-то очень старательно заметал следы. И, похоже, давно.

— Именно поэтому я должна идти, — твёрдо ответила Эвелина. — Потому что кто-то не хотел, чтобы это нашли. А я найду.

Когда дверь за Кайлом закрылась, она снова посмотрела на медальон. Открыла файл с химическим анализом и нашла строчку про фиксатор, используемый в музейной консервации. И вдруг вспомнила: дядя Лины работал реставратором в городском музее. Он часто брал девочек с собой, и Лина обожала смотреть, как он обрабатывает старые ткани.

«Для тех, кто видит», — снова прозвучали слова с медальона.

Эвелина достала блокнот и написала на чистом листе:

Проверить музейные архивы и реставрационные журналы за 2003–2008 годы.

Найти контакты дяди Лины — он переехал, но должен быть в базе родственников.

Запросить данные по всем владельцам мастерских, работавших с театральными костюмами в начале 2000х.

Проверить, есть ли связь между «L.M.» и театральным художником.

Телефон тихо завибрировал. Ещё одно сообщение:

«Думаешь, ты разгадала узор? Но ты видишь только края».

На этот раз Эвелина не вздрогнула. Она лишь усмехнулась уголком губ и напечатала ответ:

«А края — это уже начало линии. И я пройду её до конца».

И, отложив телефон, она потянулась к следующей папке. Впереди была долгая ночь. Но впервые за много лет она чувствовала, что идёт по следу, который не исчезнет.

5.

Солнце садилось не резко, а будто нехотя — тянуло за собой длинные золотистые полосы, раскрашивая комнату в тёплые оттенки. В такие вечера квартира казалась совсем другой: не местом, где взрослые то и дело сталкиваются лбами, а просто старым домом, который потихоньку засыпает. Батарея уже грела по-настоящему, и от этого пол возле неё был самым уютным местом во всей квартире. Лина устроилась там, поджав ноги, прислонившись спиной к тёплой стене. В руках у неё был тот самый блокнот с тёмно-синей обложкой, на которой кот, нарисованный кем-то давным-давно, теперь выглядел почти легендарным — будто хранитель всех историй, что в нём жили. Она водила карандашом по бумаге, иногда хмурилась, потом улыбалась, будто сама удивлялась тому, что получалось. Эвелина сидела рядом на полу, опершись на локоть, и смотрела не столько на страницы, сколько на Лину: на то, как та закусывает кончик карандаша, когда подбирает слово, как морщит нос, если фраза звучит «не так», как вдруг вскидывает глаза, будто хочет убедиться, что Эвелина всё ещё здесь и слушает.

— Слушай, — прошептала Лина, будто делилась секретом, хотя в комнате, кроме них, никого не было. — Я придумала, что ворон теперь не просто предупреждает. Он ещё и следы замечает. Чтобы никто не понял, куда человек пошёл. Эвелина приподнялась на локте, делая вид, что обдумывает это очень серьёзно.

— Следы замечает? Это круто. Но тогда как мы его найдём? Лина на секунду задумалась, сдвинув брови, а потом лицо её прояснилось. — А он оставляет другие следы. Не ногами, а голосом. Каркает в нужном месте, и ты понимаешь: ага, вот тут он прошёл. — То есть он делает подсказки только для своих? — уточнила Эвелина, улыбаясь.

Лина кивнула, довольная, что сестра сразу поняла.

— Только для тех, кто умеет слушать. Она снова склонилась над блокнотом и быстро, будто боясь забыть, стала записывать. Карандаш шуриал по бумаге, и этот звук был каким-то особенным — будто сам по себе создавал магию. Потом Лина вдруг замерла, прислушалась к чему-то только ей слышному и тихо рассмеялась.

— Знаешь, мне кажется, он бы тебе понравился. Он такой ну, немного ворчливый, но справедливый. Как ты.

Эвелина фыркнула, но внутри всё потеплело.

— Я не ворчливая. Я просто не люблю, когда кого-то обижают. — Вот и он такой же, — спокойно сказала Лина, снова склоняясь над страницей. — Он бы точно не дал в обиду кого-нибудь маленького.

Из кухни донёсся тихий голос мамы: она напевала себе под нос какую-то старую песню, и в этом было столько уюта, что даже тишина в квартире казалась не напряжённой, а заботливой. Лина на секунду подняла голову, прислушиваясь, и улыбнулась.

— Мама сегодня поёт, — сказала она почти шёпотом, будто боялась спугнуть этот момент. — Значит, день хороший.

Эвелина кивнула.

— Значит, хороший. Лина снова потянулась к карману и достала свой мешочек с лавандой. Он уже немного истрепался, нитки на узелке стали пушистыми, но Лина всё равно держала его бережно, как что-то очень важное.

— Хочешь, я тебе дам немножко? — предложила она. — Тут совсем чуть-чуть, но запах помогает.

Эвелина покачала головой, но не отстранилась.

— Мне не надо. У меня есть ты. А ты держи. Пусть твой ворон будет рядом. Лина спрятала мешочек обратно, но пальцы её ещё немного задержались на ткани, будто она хотела запомнить это ощущение.

— Ты знаешь, — сказала она чуть позже, когда солнце уже почти спряталось и по комнате поползли мягкие сумерки, — я думаю, что когда вырасту, я буду писать истории. Настоящие, чтобы их печатали в книжках, и чтобы люди читали и думали: «Ага, вот оно как».

Эвелина села ровнее, стараясь выглядеть как взрослый, который воспринимает такие вещи всерьёз.

— Ты будешь. И я буду первой, кто прочтёт каждую главу. И скажу, где надо сделать ворона громче.

Лина хихикнула.

— Громче? Как это?

— Ну, ты напишешь: «И тогда он закричал так, что даже часы на стене перестали тикать». Вот это будет громко.

Лина задумалась, потом быстро записала эту фразу прямо на полях страницы, криво, но старательно.

— Да, — прошептала она. — Вот так. Пусть даже часы его слышат. Они посидели ещё немного, пока в комнате становилось всё темнее, а батарея грела всё сильнее, и казалось, что весь холод мира просто не может сюда добраться. Потом Лина закрыла блокнот, аккуратно, будто клала спать что-то живое, и прижала его к себе.

— Завтра я напишу, как он спас кого-то. Не просто предупредил, а схватил за рукав и утащил из-под дождя.

Эвелина улыбнулась.

— Отлично. А я придумаю, откуда взялся дождь. Может, это злодей его наколдовал.

Лина покачала головой.

— Нет. Дождь — это просто дождь. А ворон — это тот, кто не даёт ему промочить тебе ноги. В этот момент мама заглянула в комнату, держа в руках две кружки с какао. Пар поднимался над ними тонкими завитками, пахло ванилью и чем-то домашним, таким родным, что хотелось завернуться в этот запах, как в плед.

— Девочки, — тихо сказала мама, ставя кружки на низкий столик. — Пора немного отдохнуть от историй. Попейте какао, пока горячее. Лина тут же пододвинулась ближе к столику, глаза у неё загорелись.

— С зефирками?

— Конечно, — улыбнулась мама. — С зефирками.

Эвелина взяла кружку, чувствуя, как тепло от керамики медленно переходит в ладони. Лина обхватила свою обеими руками, будто хотела вобрать в себя всё тепло сразу.

— Mam, а ты слушаешь мою историю? — спросила Лина. — Ну, самую первую главу. Там про ворона.

Мама присела на край дивана, подтянула колени к груди и кивнула.

— Послушаю. Рассказывай.

И Лина начала рассказывать: тихо, сбиваясь, иногда заглядывая в блокнот, иногда просто вспоминая на ходу. А Эвелина сидела и слушала, и ей казалось, что в эти минуты весь мир становится правильным. Что если есть какао, есть мамина улыбка, есть Лина история и есть этот маленький мешочек с лавандой, то ничего плохого случиться не может. Что можно просто сидеть, слушать и знать: ты не один, и тебя понимают. Когда Лина дочитала до конца главы и подняла глаза, в них было столько надежды, что Эвелина невольно сжала пальцы в кулак, чтобы удержать это чувство внутри и не дать ему рассыпаться.

— Это было здорово, — сказала мама. — Очень здорово.

— И ворон получился настоящий, — добавила Эвелина. — Даже я ему поверила.

Лина покраснела от удовольствия и спрятала блокнот под подушку, будто хотела сохранить эту похвалу там, рядом со своими снами.

Позже, когда Лина уже уснула, Эвелина ещё немного посидела в тишине, глядя на полоску света под дверью и вспоминая, как Лина шептала: «С тобой не так страшно». Ей хотелось, чтобы это было правдой не только сегодня, но и всегда. Хотелось верить, что достаточно просто быть рядом, слушать истории, пить какао, замечать, когда мама поёт, и знать, что мир, в котором есть такие вечера, обязательно будет добрым.

Именно это воспоминание потом возвращалось к Эвелине в самые тяжёлые минуты: не крик, не страх, не холод, а тёплый свет заката, шуршание карандаша по бумаге, запах какао и тихий голос Лины, рассказывающей про ворона, который умеет спасать. И в те мгновения, когда всё вокруг казалось безнадежным, она вспоминала: однажды она уже была тем человеком, рядом с которым Лине не было страшно. Значит, она могла быть таким человеком снова. И должна была.

6.

Тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь занавеску, ложась на пол неровным жёлтым прямоугольником. В квартире стояла тишина — не уютная, как в те вечера с какао и историями про ворона, а тяжёлая, будто воздух сам стал густым и неудобным для дыхания.

Эвелина сидела на краю дивана, сжимая в пальцах тот самый мешочек с лавандой, который нашла в комнате Лины. Ткань уже почти потеряла запах, но Эвелина всё равно подносила его к лицу, надеясь поймать хоть слабый отголосок привычного аромата.

Мама сидела на кухне, не зажигая света, и смотрела в окно, будто ждала, что Лина вот-вот появится из темноты и скажет: «Я просто долго стояла у витрины, там такая

красивая книжка» Отец ходил по коридору, останавливался у двери, снова шёл дальше — как человек, которому нужно что-то делать, иначе он просто взорвётся от собственного напряжения.

В дверь позвонили, и все трое вздрогнули. На пороге стояли двое полицейских: один постарше, в мятом пиджаке, с усталыми глазами, другой помоложе, слишком прямой, будто боялся показать хоть каплю усталости.

— Можно войти? — спокойно спросил старший, будто это был обычный визит, а не вторжение в дом, где только что рухнул привычный мир.

Они сели за кухонный стол. Мама поставила перед ними чаши с остывшим чаем, хотя никто не просил. Полицейские задавали вопросы: когда в последний раз видели Лину, с кем она общалась, не было ли чего-то странного в последние дни. Эвелина отвечала, стараясь говорить чётко, не сбиваться, не плакать.

— Она собиралась в магазин, — повторила она в третий или четвёртый раз. — За печеньем. Тем, с шоколадной крошкой. Она всегда брала именно его.

Старший полицейский кивал, записывал что-то в блокнот, не поднимая глаз. И в этом его спокойствии было что-то пугающее: будто пропажа Лины была для него не катастрофой, а просто ещё одним пунктом в длинном списке дел.

— А эта записка, — вдруг тихо сказал он, глядя на Эвелину. — Та, что ты упомянула. «Не смотри назад». Ты уверена, что она была в её рюкзаке?

Эвелина сжала кулаки под столом.

— Да. Я видела, как Лина её доставала. Она сказала, что нашла её между страницами учебника, но не помнит, как она туда попала.

Полицейский снова кивнул, записал. Но в его глазах не мелькнуло «мы найдём», не мелькнуло даже «это важно». Мелькнуло что-то вроде «ещё одна странность, которую мы не сможем объяснить». Через несколько дней район заклеили листовками. На каждой — фотография Лины: она смеётся, волосы чуть растрёпаны, на плече висит рюкзак, в руке — тот самый блокнот с котом на обложке. Добровольцы ходили по дворам, спрашивали, не видел ли кто девочку. Эвелина ходила вместе с ними, стучала в двери, показывала фото, смотрела людям в глаза и пыталась понять: знает ли кто-нибудь что-то, но просто боится сказать? Однажды вечером, когда листовки уже начали отклеиваться и рваться от ветра, а мама всё чаще замолкала на полуслове, Эвелина подошла к тому самому полицейскому — к старшему, с усталыми глазами. Он как раз выходил из участка, застёгивая куртку.

— Вы что-нибудь нашли? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Хоть что-нибудь?

Он остановился, посмотрел на неё так, будто только сейчас по-настоящему увидел: не как свидетельницу, не как сестру пропавшей, а как человека, который ждёт ответа, потому что без него ему нечем дышать.

— Пока нет, — сказал он честно. — Но мы работаем.

Эвелина покачала головой. — «Пока нет» — это не ответ. Лина не «пока» пропала. Она пропала. И каждый день, пока вы говорите «работаем», её становится всё дальше.

Он не рассердился. Не стал читать нотации про терпение и процедуры. Просто вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости, что Эвелина вдруг поняла: он действительно старается. Но старания не всегда достаточно.

— Знаешь, — тихо сказал он, — в этой работе самое трудное не в том, чтобы искать. А в том, что иногда найти невозможно. Не потому что плохо искали, а потому что мир бывает слишком большим и слишком тёмным.

Эти слова ударили сильнее крика. Эвелина стояла, чувствуя, как внутри что-то ломается: не надежда, а наивная вера в то, что если громко просить и сильно стараться, всё обязательно будет хорошо.

— Тогда я сама найду, — сказала она, сама удивляясь твёрдости своего голоса. — Если никто не может, я найду.

П олицейский посмотрел на неё долго, будто пытался запомнить это лицо, чтобы потом, если что, вспомнить: вот эта девочка хотела спасти сестру.

— Для этого нужно больше, чем желание, — мягко сказал он. — Нужны знания. Доступ к базам. Право задавать вопросы, на которые люди не хотят отвечать.

— Я всему научусь, — ответила Эвелина. — Я стану такой, как вы. Только лучше. Я не скажу «пока нет». Я скажу «я нашла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.